

ний и храмов с государством регулировались птолемеевским *ἱερατικὸς νόμος*, который римляне дополнили *διατάγματα* префектов и *ἱερός νόμος*. И государственные храмы, которые делились на три класса по своему значению, и храмы частных лиц находились под неусыпным контролем государства, назначавшего своих эписставов. Даже наследственные жрецы проходят государственный контроль, подвергаются специальному экзамену и вносят плату за допуск к исполнению жреческих обязанностей. Хотя должности египетских жрецов были наследственно закреплены за определенной группой семейств, тем не менее и Птолеми и римляне продавали с аукциона или за фиксированную плату некоторые доходные жреческие места (например, *στολιστής, προφήτης*). Жрецы собирались на ежегодные синоды, основной функцией которых было издание почетных декретов в честь царя.

Глава III (стр. 75—98), посвященная контролю государства над экономикой, показывает необычайную, до мелочей детализованную регламентацию всех сторон экономической жизни страны. В области сельского хозяйства государство тщательно регулировало порядок обработки и посева всех категорий земель, порядок сдачи в аренду *γῆ ἐν ἀρετῇ* и принудительную аренду неплодородных земель. Принудительная аренда распространяется и на целые общины. Не менее тщательно государство регламентировало порядок древонасаждений и рубки леса (стр. 75—78), рыбной ловли, эксплуатации соляных залежей (стр. 82)¹ и охоты (стр. 79). В птолемеевское время охота была царской монополией, и за выдачу права на охоту государство взимало 25% добычи. В римское время охота сдавалась в аренду под наблюдением специальных чиновников. В разделе «Промышленность и торговля» (стр. 82—87) рассматриваются различные государственные монополии, в том числе монополия на растительное масло (стр. 82 сл.), пиво (стр. 83 сл.), парфюмерию (стр. 84), текстиль (стр. 85 сл.), папирусы (стр. 87), чеканку монеты (стр. 88). Недостатком этого раздела является то, что автор оставил без всякого рассмотрения вопрос о юридическом и фактическом положении работников монополий. Между тем, это важно для выяснения мало изученного вопроса о характере так называемого «свободного» наемного рабочего, положение которого во время его работы по найму мало чем отличалось от положения раба. В разделе «Банковское дело» (стр. 89, 90) заметны черты модернизации.

Третья часть книги, посвященная административной процедуре и административному исполнению, рассматривает порядок возбуждения и разбора дел как частного порядка, так и связанных с государственными повинностями (литургии, откуп и др.).

Рецензируемый том работы Таубеншлага, содержащий тщательно подобранный и систематизированный фактический материал, извлеченный из греческих и латинских папирусов, является важнейшим после известного труда Вилькена и Миттейса, вышедшего в 1912 г.², справочником и пособием по вопросам греко-римского права в Египте. Он содержит важные и ценные материалы для изучения социального строя Египта. Однако, хотя задачей автора было рассмотрение только вопросов права, следует поставить ему в упрек, что формальный юридический аспект нередко заслоняет жгучие вопросы социальных отношений и ту картину беспощадной эксплуатации трудящихся масс, которая скрывается за формально-правовыми отношениями.

Л. М. Глушкина и И. Д. Амузин

E. KORNEMANN, Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II von Makedonien bis Muhammed, München, 1948—1949, т. I, 508 стр.; т. II, 563 стр.

Современная буржуазная историография бедна общими работами по истории античности. Двухтомная «Всемирная история Средиземноморья от Филиппа II Ма-

¹ Соляные залежи были царской собственностью. Право на торговлю солью продалось купцам с аукциона. Население платило специальный соляной налог.

² Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, т. I—II, 1912.

кедонского до Мухаммеда» принадлежит к числу немногих работ общего типа, появившихся за последние десятилетия. Эрнст Корнемани, автор рецензируемого труда, был крупным немецким исследователем древности, пользовавшимся известностью далеко за пределами своей страны. Свою научную деятельность он начал еще в конце XIX в. Его докторская диссертация «*De civibus Romanis in provinciis Imperii consistentibus*» (1891) обеспечила автору видное место среди немецких историков. В начале XX в. Корнемани основал журнал «Клио», он принимал активное участие в общезвестной энциклопедии «*Pauly-Wissowa*». В 20—30-х годах текущего столетия Корнемани был одним из наиболее известных немецких историков античности. К этому периоду относятся его самые крупные работы: «*Die römische Kaiserzeit*» (1912), «*Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum*» (1930), «*Römische Geschichte*» (I—II, 1938), «*Gestalten und Reiche*» (1943).

Новая работа Корнеманна, вышедшая посмертно, рассчитана не на узкий круг специалистов, а на широкую читательскую массу. По своему стилю и методу изложения она принадлежит к типу таких работ, как «Римская история» Моммзена. В книге почти нет ссылок на источники, не говоря уже об их анализе. Ссылки на литературу также немногочисленны. Объем рецензируемого труда делает невозможным в рамках этой статьи осветить достаточно подробно взгляды автора на многие вопросы истории античности. Поэтому мы ограничимся оценкой общей концепции автора.

В основных своих чертах концепция Корнеманна раскрывается в предпосланном первом тому обширном введении (стр. 1—61). История Средиземноморья рассматривается автором как древняя история Европы. В понятие «Европа» автор вкладывает не то, что обычно принято понимать. По мнению автора, граница Европы проходит не с севера на юг, по Уралу, а с востока на запад, причем она меняется в каждый исторический период. В древности северной границей Европы были Дунай, Альпы и Пиренеи, отделявшие так называемую «Средиземноморскую зону» от так называемой «Потамической», или «Дунайской зоны» (стр. 4). Дунайская зона становится европейской территорией лишь в период поздней античности; еще позднее входит в Европу расположенная к северу от Дунайской зоны так называемая «Балтийская зона» (стр. 5). История Европы началась в восточной части Средиземноморской зоны. Созданная здесь культура распространяется на запад. Ее творцами становятся сначала греки, а затем римляне. В то время как Средиземноморье было центром политической и культурной жизни, Дунайская зона играла лишь роль барьера, ограждавшего колыбель европейской цивилизации. Третья зона начинает оказывать влияние на судьбы Европы еще позднее, лишь с IX в. н. э. Таковы те основы концепции Корнеманна, которые сам автор назвал «Геополитическими предпосылками». Наряду с ними решающее значение в истории, по мнению автора, имеют предпосылки «этнографические». Последние сводятся к тому, что не все народы, населявшие Европу, а лишь некоторые из них являются творцами европейской цивилизации. В тот период, когда история Средиземноморья совпадала с историей Европы, творцами культуры были народы индогерманской расы: греки, римляне и иранцы. Впоследствии, когда Европа стала охватывать вторую и третью зоны, к ним присоединились германцы. Автор подчеркивает свое несогласие с теми историками, которые отрицали выдающуюся роль иранцев в создании европейской культуры, и считает своей заслугой то, что ему удалось проследить как в политической, так и в культурной и в религиозной областях всемирно-историческую роль Персии. Эллада и Персия, как две сестры, стоят на пороге Европы, но подлинная история Европы начинается с Македонии, которая была наследницей всего того, что создали греки и иранцы в области культуры и государственности (стр. 61). Исходя из этих предпосылок, Корнемани начинает историю Средиземноморья с истории Македонии.

В соответствии со взглядами автора на исключительную роль индогерманских народов во всемирной истории история Средиземноморья разбивается на три периода. Первый период от 359 до 168 г. до н. э. автор называет «Мировым господством македонян». Второй период охватывает время с 145 г. до н. э. до 305 г. н. э. Этот период носит название: «Мировое господство римлян. Гегемония Италии и Запада». Наконец,

третий период, обозначенный, как «Поздняя античность: Новый Рим и Новая Персия», охватывает события 305—640 гг. н. э.

В первом разделе книги рассматривается первый период истории Средиземноморья (т. I, стр. 62—346). Вкратце изложив историю Македонии до Филиппа II (стр. 61—67), Корнемани обстоятельно характеризует деятельность Филиппа II и дает оценку его личности (стр. 67—96). Филипп II, согласно взгляду автора, создал монархию, в которой было осуществлено идеальное единство между царем и народом (стр. 72). Заслугой Филиппа является также удачная форма «аншлосса» греческих государств (стр. 88). Деятельность Филиппа II подготовила новую историческую эпоху, и он является творцом эллинизма. Более того, объединив греческий мир и наметив пути для завоевания иранского мира, Филипп II стал «творцом Европы» (стр. 93).

Много места уделяется в рецензируемой работе деятельности Александра Македонского (стр. 96—156). Александра Македонского Корнемани превращает чуть ли не в проводника расовой теории. Александр, осуществляя свои завоевания, стремился, по мнению Корнемани, к созданию огромной империи, где бы, наряду с греками, восточные арийцы, т. е. персы, могли осуществить свою всемирно-историческую миссию (стр. 123). В организации управления своей империей, подобно Дарию I, Александр руководствовался принципами справедливости и взаимного доверия между царем и подданными (стр. 151). Распад державы Александра Македонского Корнемани объясняет отсутствием другого гения, который мог бы возглавлять эту державу (стр. 154). Главное значение деятельности Александра, по мнению автора, в том, что Александр завершил начатое Филиппом II создание Европы, что он создал «новый мир». Начало истории «нового мира», созданного Филиппом II и Александром, характеризуется переходом господства в политической области к македонянам, а в экономической и интеллектуальной — к грекам. Поскольку греки были главными носителями новой эпохи, последняя и носит название «эллинизма» (стр. 156). Характерной чертой эллинизма является возникновение монархий и борьба между ними (стр. 157). Наряду с греческим и македонским факторами, исключительно важную роль в эллинистических государствах играл иранский компонент. Большое значение придается возникновению в середине III в. до н. э. Парфии, к которой, по мнению автора, переходит выполнение всемирно исторической миссии иранства (стр. 220—222). Лишь с середины III в. до н. э. Корнемани начинает излагать и историю Рима, обращая внимание только на его военную и политическую историю.

Во втором разделе труда Корнемани (т. I, стр. 347 — т. II, стр. 273) история Средиземноморья подается исключительно как история Рима и Италии. Корнемани считает римлян наследниками македонян в создании Средиземноморской империи. Они осуществили то, о чем мечтал Александр, и включили в состав Средиземноморского государства западные области: Галлию и Испанию. Созданная римлянами империя стала фундаментом Европы (стр. 348). Рассматривая события последнего столетия Республики, Корнемани вынужден был остановиться и на восстаниях рабов, и на выступлениях римского плебса. Но причину социальной борьбы он видит не в классовых противоречиях римского общества, а «в неупорядоченности социальных вопросов, этой „детской болезни“ Европы, от которой она не избавилась и в новое время». То, что даже в век ожесточенной социальной борьбы римляне осуществляли свои завоевания, свидетельствует о том, что в жилах первых европейцев «еще пульсировала здоровая кровь» (стр. 350). Войны являются для Корнемани мерилом оценки деятельности политических партий и их вождей. Популярам II в. до н. э. он готов простить всю их внутривнутриполитическую деятельность за то, что они были инициаторами экспансии в среднеевропейское пространство (стр. 364). Главным достижением времени Гракхов Корнемани считает вторжение римлян в альпийскую Галлию (стр. 366). Подробно характеризуется деятельность Цезаря, в котором Корнемани видит не только создателя монархии, но и сверхчеловека, выполнившего всемирно-историческую миссию по созданию Европы (стр. 435).

Второй том книги автор начинает с принципата Августа (стр. 1—58). Пытаясь объяснить юридическую сущность принципата, Корнемани возвращается к высказан-

ным им еще в 1930 г. взглядам о так называемом «двойном принципате». Согласно этим взглядам, в начале правления Августа Агриппа, а в конце правления Августа Тиберий были равноправными императорами (стр. 17 сл.). Главным в деятельности Августа автор считает обеспечение победы романизма над эллинизмом. Своей внешней политикой Август определил границы между Западом и Востоком и благодаря этому стал творцом Европы и вождем человечества в течение тысячелетий (стр. 57). Тиберий рассматривается как продолжатель Августа и его политики романизма. При преемниках Тиберия, особенно при Нероне, торжествует эллинизм (стр. 93). В разделе, посвященном Юлием-Клавдиям, автор затрагивает вопросы возникновения христианства. Своим возникновением христианство обязано исключительно личности Христа, его земной деятельности (стр. 77). Какие-либо сомнения в историчности личности Христа отвергаются столь же решительно, как и попытки вывести возникновение христианства из настроений угнетенных классов (стр. 78 сл.). Подобно тому как и в политической области торжество той или иной политической системы обеспечивалось деятельностью двух исторических лиц (Филипп и Александр, Цезарь и Август), так и в религиозной области победа новой религии была обеспечена деятельностью двух лиц — Христа и Павла. В реальности последнего у Корнеманна также нет никаких сомнений (стр. 96).

Во II в. н. э. опять появилась новая пара великих правителей: Траян и Адриан. Хотя они и не были создателями новой эпохи, но сыграли крупную роль в сближении эллинизма и романизма, а тем самым и в формировании Европы (стр. 125). В первой четверти III в. н. э., по мнению автора, вновь усиливается в Средиземноморье иранский элемент. Особенно активно проходит процесс иранизации в областях южной России. Здесь под влиянием иранских племен, к которым Корнеманн относит аланов, иранизируются готы (стр. 197). Кризис III в. автор считает лишь военной анархией (стр. 207). Главное место в изложении событий III в. занимает история религий и войн с персами и готами. Корнеманн возражает против обычного взгляда на деятельность Диоклетиана, как основателя новой государственной формы — домината. Между Диоклетианом и Константином лежит пропасть; Диоклетиан был завершителем принципата, Константин же открыл новую эпоху в истории человечества и создал доминат (стр. 253).

Следующий раздел книги (т. II, стр. 274—481) охватывает третий период истории Средиземноморья. В начале раздела дается подробное изложение деятельности Константина (стр. 276—320). Новым в политике Константина, дающим право его рассматривать как гения, открывающего новую эпоху, является, по мнению автора: 1) отказ от политики преследования христианства и превращение его в господствующую религию, 2) основание новой столицы на Востоке, кладущее конец прежнему преобладанию Запада и Италии. Исключительно гению Константина христианство обязано своей победой над другими религиями (стр. 275). Основание новой столицы после принятия Константином христианства объясняется тем, что в римском императоре «заговорил новый бог» (стр. 293). Личность Константина, по мнению автора, характеризуется правдивостью и справедливостью (стр. 316). Идеализируется Корнеманном не только личность Константина, но и созданный им доминат, который, по мнению автора, принес европейскому миру спокойствие и западноевропейское единство народов на почве христианства.

Проблема распространения христианства становится у Корнеманна главным вопросом поздней античности. Излагая историю Византии VI в., Корнеманн исключительно высоко ставит личность жены Юстиниана — Феодоры. Только ее влиянию обязана Византия тем, что она просуществовала до 1453 г. (стр. 452). Падение античности и античной культуры Корнеманн относит к VII в., ко времени арабского завоевания, сведшего до минимума влияние Византии и уничтожившего Иран. Наследниками римлян стали германцы, а греков — арабы.

Таково краткое содержание книги Корнеманна. Концепция автора построена, как мы видим, на полном игнорировании существования социально-экономических формаций и роли классовой борьбы в истории. Это игнорирование прежде всего

сказалось на периодизации истории Средиземноморья, предлагаемой автором. Разделение истории Средиземноморья на три периода основывается на представлении о господстве в каждый из этих периодов того или иного народа, а не определенных общественных отношений. Излагая историю Средиземноморья на протяжении тысячелетия, автор не установил даже, для какого периода характерно господство рабовладельческих отношений.

Полное игнорирование социально-экономических формаций явилось главной причиной полной научной несостоятельности Корнеманна в разрешении всех крупных проблем истории античности. Историю Средиземноморья он начинает с эллинизма, но в эллинизме не видит определенной стадии в развитии средиземноморских рабовладельческих обществ. Эллинизм понимается лишь как господство эллинской образованности, как взаимодействие греческой и персидской культуры. Автор не касается вопросов подготовки эллинизма, не изучает особенностей рабовладения в эллинистических государствах. Проблема кризиса эллинистических государств рассматривается лишь в плане римского завоевания. Так же обстоит дело и с проблемой кризиса и падения Римской республики. Автор скользит по поверхности явлений, он не видит кризиса рабовладельческой экономики Рима и Италии, не изучает предпосылок установления военной диктатуры рабовладельцев.

Не нашел своего освещения в труде Корнеманна и кризис III в., поскольку автор увидел в этих событиях лишь военную анархию. Прошел незамеченным для него также кризис рабовладельческого способа производства, выразившийся в падении производительности рабского труда, в разорении средних и мелких землевладельцев и в мощных социальных движениях. Войны III в., которым автор уделил много внимания, не могут быть поняты без анализа социальной борьбы в Римской империи. Рассматривая их совершенно изолированно, автор не смог выяснить значение этих войн в социальном и политическом кризисе Римской империи, в установлении домината.

Для труда Корнеманна весьма характерным является пренебрежение к исторической роли трудящихся масс. Если при изложении истории Римской республики автор все же останавливается на сицилийских восстаниях рабов, на восстании Спартака, то на всем протяжении истории Римской империи автор не видит никаких признаков классовой борьбы. Даже о таких известных народных движениях, как восстание буколов и багаудов, не сказано ни слова.

Не избежал Корнеманн и модернизации экономической жизни Средиземноморья. В тех немногочисленных случаях, когда речь идет об экономике эллинистических государств или Рима, он говорит о капитализме и пролетариате, ссылаясь на труды Ростовцева. Но сама экономика в концепции Корнеманна играет весьма незначительную роль. Решающими, определяющими факторами в истории признаются мистические силы, которыми наделены избранные народы, принадлежащие к индогерманской расе. В этом отношении концепция Корнеманна является откровенно расистской. От других расистов Корнеманн отличается лишь тем, что, отрицая «ориентализацию» францев, относит последних к так называемым «народам, обладающим культурой и государственностью». Что касается других народов, в том числе и тех, которые, по классификации самого Корнеманна, населяли средиземноморскую зону, то им отказано в творческой роли; они могли в лучшем случае лишь воспринять идеи, созданные «народами-творцами». Главной идеей, творцами которой являются греки, францы, римляне и германцы, является идея Европы. Эта идея развивается в веках вплоть до наших дней. В крахе гитлеризма автор видит крах Европы. Единственный путь для спасения европейских народов, по мнению Корнеманна, лежит в создании Соединенных Штатов Европы.

Немалую роль в концепции Корнеманна играет геополитика, лженаука, пользовавшаяся в прошлом признанием нацистов, а в настоящее время их англо-американских покровителей. Автор даже начинает свой труд с цитаты из «Заката Запада» Шпенглера, одного из основоположников германского фашизма и одновременно геополитики. Задача геополитики в ее приложении к истории — подкрепить и обосновать расистские положения автора. Подобно своему духовному учителю Шпенглеру

ру, Корнеманн жонглирует понятием Европы, произвольно определяя ее границы. Разделение им Европы на зоны преследует своей целью исключить из состава Европы славянские народы, преуменьшить их вклад в сокровищницу человеческой культуры.

Для концепции Корнеманна в целом характерно непонимание роли личности и ее места в историческом процессе, выражающееся в переоценке влияния личности на ход исторического процесса. С точки зрения автора, не было бы эллинизма, если бы не родились Филипп II и Александр Македонский, не было бы Римской империи без Цезаря и Августа. В Филиппе II, Александре Македонском, Цезаре, Августе, Константине воплощается, по Корнеманну, пресловутый «творческий дух» индогерманцев.

И. В. Сталин указывает: «... историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹. Как мы видим на примере труда Корнеманна, коренное отличие современной буржуазной историографии от действительной науки заключается в том, что вся история сводится буржуазными историками к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств. Они-то и являются, по мнению Корнеманна, двигателями истории, они являются носителями идеи Европы, лежащей в основе исторического процесса в Средиземноморье. Не случайно автор начинает историю Средиземноморья с первых, наиболее крупных завоевателей античности — Филиппа II и Александра Македонского. Классический период Греции, не давший крупных завоевателей, автора не интересует.

Представление о том, что в основе исторического развития лежит идея, само по себе делает труд Корнеманна идеалистическим, антинаучным. Помимо этого, неправомерной является попытка автора рассмотреть историю античности с ограниченноевропейской точки зрения. Уже в отдаленные эпохи народы, населявшие Средиземноморье, были связаны, как об этом свидетельствуют литературные и археологические памятники, с народами, населявшими другие европейские и неевропейские области. Влияние средиземноморских и несредиземноморских народов, как это убедительно доказано советской наукой, было взаимным.

Влияние античной культуры на культуру народов современной Европы, преемственность между ними является фактом бесспорным, но никакой идеи Европы в древности не существовало. Попытка представить исторических деятелей античности носителями этой идеи, а саму идею — основой исторического развития может быть объяснена лишь желанием автора фальсифицировать прошлое, найти историческую опору для современных агрессоров, выставляющих себя спасителями Европы. Заявляя на последних страницах своего труда сочувствие идее «Соединенных Штатов Европы», Корнеманн ясно показал политическую направленность своей работы.

Для современной буржуазной историографии древности в целом характерен поворот к мистицизму, к фидеизму. Если буржуазным исследователям XIX в. и не удавалось правильно разрешить проблему происхождения христианства, то все же редкие из них принимали на веру религиозные легенды евангелий. Общее реакционное направление в развитии современной буржуазной историографии, обусловленное загниванием капитализма, сказалось в подходе к проблеме христианства, в возвращении на позиции поповщины и мистицизма. «Назад к евангелию» — так можно охарактеризовать направление большинства работ, в той или иной мере касающихся вопросов происхождения и истории раннего христианства. Но среди этих трудов работа Корнеманна выделяется своим мистицизмом. Корнеманн признает не только историчность личности Христа, но и его божественное происхождение. Симпатии Корнеманна к христианству побудили его отделить непроходимой пропастью Диоклетиана от Константина, хотя нет никакого сомнения, что в области реформ государственного управления Константин является продолжателем Диоклетиана.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

Переходя к более частным сторонам концепции Корнеманна, прежде всего отметим бросающееся в глаза пренебрежение автора к истории римских провинций. Считая, что весь период империи представляет собой борьбу и взаимодействие двух начал — римского и эллинистического и наряду с ними иранского, автор почти не останавливается на истории испанских, дунайских и других провинций, поскольку она ничего не дает для развития его основной идеи. Материал по истории провинций в период империи не систематизирован, не сгруппирован в отдельных главах, частные замечания разбросаны по всему труду. Нельзя также согласиться с теорией Корнеманна о двойном принципате, как это уже отмечал в своем труде Н. А. Машкин¹. Август всегда являлся единоличным правителем, в источниках нет никаких данных, свидетельствующих о наличии равноправных с Августом императоров.

Труд Корнеманна может служить показателем деградации немецкой историографии в условиях гитлеровского режима. Переход на позиции расизма лишил труд Корнеманна, в прошлом довольно крупного исследователя, всякой научной ценности. Немецкая историография в свое время не мало сделала для изучения античности. В частности, классики марксизма давали высокую оценку Нибуру, Бахофену и другим немецким ученым первой половины и середины XIX в. Приход к власти фашизма еще более углубил кризис немецкой историографии античности. Труды немецких историков, вышедшие за последнее время в Германской демократической республике, показывают, что единственный путь к подъему немецкой историографии состоит в чистке авгиевых конюшен фашистской «науки», в решительном отказе от того «наследия», образцы которого мы видим в труде Корнеманна.

А. И. Немировский

HADJINICOLAU-MARAVA, Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin, Athènes, 1950, 134 стр.

Книга греческой исследовательницы А. Хаджиниколау-Маравы «Исследования о положении рабов в Византии» состоит из введения и трех глав. В первой главе она рассматривает вопрос об отношении византийской церкви и государства к рабству (стр. 12—28), во второй дает периодизацию византийского рабства и характеризует экономическое и правовое положение рабов (стр. 29—85), в третьей описывает источники рабства и говорит об отпуске рабов на волю (стр. 86—113). Далее следует краткое заключение (стр. 114), в котором автор подводит итоги работы, и приложение, в котором она описывает термины, применявшиеся в Византии для обозначения рабского состояния (стр. 115—118).

Хронологические рамки рецензируемой работы весьма широки: автор начинает с позднеримского рабства (IV в.) и доводит свое исследование до времени Комнинов, точнее, до падения Константинополя в 1204 г. С этого момента, полагает автор, начинается новый период «средиземноморского» рабства, изучение которого она считает особой и сложной проблемой (стр. 10). Впрочем, автор не всегда соблюдает избранные ею хронологические рамки, привлекая, например, данные XIII—XIV вв. для характеристики торговли рабами (стр. 93).

А. Хаджиниколау-Маравы не дала в своей книге историографического обзора, не попыталась оценить работы своих предшественников, не выяснила, что нового она сама вносит в эту проблему. Она называет предмет своей книги «новой темой» (стр. 8). На самом же деле вопрос о византийском рабстве не новый, хотя он и не был еще предметом монографического исследования. Вопрос этот изучался рядом буржуазных исследователей (К. Э. Цахарис фон Лингенталь, А. Монье) и в последнее время — польским ученым Р. Таубеншлагом, исключительно с юридической точки зрения; эти исследователи давно уже выяснили, что византийское право хорошо

¹ Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1950, стр. 349.